

A composite image featuring a man's profile in silhouette, looking down. The background is a light, textured surface with faint musical notes and staves. A small bird is perched on the man's shoulder. The lower half of the image shows a dark, silhouetted city skyline at night, with lights visible in the windows of the buildings. The overall mood is artistic and contemplative.

B_b

СОЛОВЕЙ

ПОЁТ СИ-БЕМОЛЕМ

Margo Dubar

Соловей поет си-бемолем

«Автор»

2026

Dubar M.

Соловей поет си-бемолем / M. Dubar — «Автор», 2026

2099 год. Люди научились возвращать к жизни тех, кого история давно похоронила. Айртон — один из них. Незаконный репринт человека, умершего около двух веков назад, он старается жить так, чтобы никто не задавал лишних вопросов. Но случайно оказывается втянут в расследование череды странных происшествий, которые постепенно складываются в нечто гораздо большее, чем кажется на первый взгляд.

© Dubar M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Margo Dubar

Соловей поет си-бемолем

Глава 1

Я бы хотел представиться, но не стану. В последние годы таких, как я, всё чаще «отменяют» и вполне спокойно оправдывают происходящее грамотно составленными законами и даже моральными принципами.

В сети для всех я Ayrton74, где «74» — это год моего появления на свет. Почему я не использую здесь слово «рождения», объясню позже. Пусть для вас я тоже буду Айртон — это моё имя. Не настоящее, конечно, но зато выбранное мной самим.

Мне двадцать пять, а значит, за окном девяносто девятый. И как бы ни хотелось мне продлить XXI век, в затылок ему уже настойчиво дышит век следующий, а остывшее ноябрьское солнце напоминает, что время неумолимо движется в будущее.

Кофе здесь всегда был невкусным, а в этот раз ещё и холодным. Ни молоко, ни сиропы, ни топпинги не могли заглушить синтетический привкус дешевого автомата. Официантов тут, разумеется, не было. Официанты вообще давно стали непозволительной роскошью, а уж в такой забегаловке — и подавно.

Редкое кафе славилось такой пустотой, но сегодня это играло мне на руку. Кроме пары тинейджеров в дальнем углу, никого. Я почти наверняка знал, что видеотрекинг здесь поставлен халтурно, и примерно представлял, где находятся слепые зоны.

Ждать пришлось дольше, чем условились, но он всё-таки появился, растерянно озираясь по сторонам. До чего я не люблю неосторожных. Они всегда пренебрегают инструкциями, потому что считают их чем-то необязательным. А если неосторожный ещё и новичок, приходится особенно переживать.

Я аккуратно подал ему знак, но никак не ожидал, что он напрямую направится ко мне.

— Если вы за кофе, — предупредил я, — попробуйте другой автомат. У этого что-то с нагревом. Мне флэт уайт едва тёплый выдал.

Я вытянул руку вперёд, чтобы направить человека сперва сделать заказ и уже потом продолжать то, зачем мы тут оба оказались. К большому счастью, тот меня понял и, проследовав к автомату за моей спиной, стал задумчиво тыкать в экран.

Всё нужно было сделать быстро и по возможности молча, чтобы не привлекать внимания голосовых трекеров, которые вполне могли быть спрятаны вокруг. С проверенными людьми было проще — они знали алгоритм действий. Но выбирать мне особо не приходилось.

— Флэт уайт, — зачем-то повторил он за мной. — Вы прям, как и говорят, олд-фешенд бой. Я такое никогда не беру. По мне, это даже кофем назвать нельзя.

Довольно страшно, знаете ли, встречать таких «кофем». Несведущие в правильном произношении слов, они с той же невнимательностью обычно относятся ко всему, что говорят, а ведь именно таким обычно стоит молчать особенно старательно.

Он получил таки свой напиток, сел рядом со мной и, стянув с себя влажное от мороси пальто, полез по карманам, очевидно разыскивая личный трекер.

— Где-то был... — пробормотал он.

И достал не то, что я ожидал увидеть первым, а то, что было нужно мне.

Маленькую коробку, от которой зависели ближайшие несколько месяцев моей жизни, он осторожно подвинул через стол. Я невольно посмотрел на него и почувствовал, как внутри всё похолодело. На столе незамедлительно появился и его трекер, а значит, следующим шагом было бы передать ему zont и уйти, но я не мог пошевелиться.

— Это не то... — едва слышно произнес я, теряясь от звука собственного голоса.

Человек не отреагировал. Только спустя несколько мгновений он перевел на меня глаза, очевидно пытаясь понять причину моей медлительности, и я повторил:

— Лекарство не то.

На этот раз прозвучало более настойчиво. Он забеспокоился, начав при этом как-то неестественно выпучивать глаза.

— То есть как «не то»?! Вот тут написано. И срок годности я проверил.

— Я говорил, что нужен девятый фактор, синяя коробка?

— Так это и есть синяя. Девятый. Вот тут же девятка?

Он с раздражением постучал по коробке, с особым нажимом тыкая в название НЕМОИХ, где жирным шрифтом предательски выделялись последние две буквы, образующие римскую девятку.

— Это восьмой. А цвет коробки — голубой.

— Вы обалдели? Какая разница?

— Какая разница? — удивился я. — Разница как у автомобиля и самолёта, хотя и то и другое вроде бы транспорт. Я, по-вашему, их для развлечения запрашиваю?

— Мне по барабану, для чего ты их там запрашиваешь! Zont мне нужен сегодня. Мы обо всём договорились, так что давай, тапай!

Тон его становился всё громче, и зависающие в кафе подростки начали периодически на нас поглядывать. Эта встреча могла закончиться лишь одним из возможных способов. Я просто встал и направился к выходу, однако его рука каким-то образом дотянулась до меня и довольно резко схватила за запястье.

— Слушай, ты! — прошипел человек, и не осталось ни тени сомнения в том, что дальше в качестве аргументов в ход пойдут кулаки. — Учти, я знаю, от чего этот препарат. Боишься истечь кровью? Так зачем нарываешься на то, чтобы ее проливали?

— Вы считаете справедливым требовать то, что вам нужно, без какой-либо платы?

— Да я полгорода перевернул, пока нашёл эти долбанные шоты! Мне почём знать, что они не такие? Учти, я тебе такую справедливость устроить могу — мало не покажется! А ну, тапай!

Можно было не сомневаться, что его свирепая хватка уже доставит немало беспокойств даже после того, как он отпустит мою руку. Но было бы неразумно дожидаться более тяжёлых последствий этой встречи. Он снова выставил свой трекер, совершенно не опасаясь уже впрямую наблюдавших за нами подростков. Свободной рукой я достал из кармана фон и приложил к устройству.

— На три дня, начиная с этой секунды, — презрительно произнёс я, высвобождая запястье из плена.

— Мы договаривались на неделю!

— Мы договаривались на НЕМОИХ-9!

— Чёртов дедпринт! Когда уже вас всех перебьют?!

Система мгновенно распознала фразу, произнесённую в качестве обращения, и взвизгнула одной-единственной въевшейся в сознание нотой.

— ВНИМАНИЕ! Уважаемые посетители! Система речевого мониторинга зафиксировала употребление термина, связанного с возможным присутствием реконструированной личности. В соответствии с протоколом биоидентификационной безопасности все присутствующие временно переводятся в режим ожидания проверки. Данное помещение не оборудовано автоматическими PID-сканерами. Процедура будет проведена инспекторами БИОН. Расчётное время прибытия инспекторов: две минуты. Просим сохранять спокойствие, не препятствовать работе системы и воздержаться от попыток покинуть помещение. Благодарим за содействие в обеспечении безопасности граждан.

Потрясающе! И это в качестве благодарности за бесплатные три дня «под zontom».

Человек и сам расстроился. Было видно, что застревать со мной в кафе еще на две минуты в его планы не входило. Неприятно скривив лицо, он стал медленно надевать пальто и только сейчас взялся за кофе.

— Холодный, черт его дерит! — пробурчал он и швырнул почти полный стакан в утилизатор.

Мне оставалось только молча стоять и надеяться, что проверка обойдется исключительно персональной идентификацией и не перерастет в обыск. Отвечать на вопросы по поводу лекарства, которое было для меня абсолютно бесполезным, но грозило одними неприятностями, совсем не хотелось. К тому же я стал ощущать боль в запястье и уже прикидывал размер ожидавшей меня проблемы.

— Кто вас за язык тянул? Думаете, у меня других дел нет?

— А что? Хочешь сказать, ты не из этих? Это ведь ты — Эйр?

Он произнёс это с таким цинизмом, что мне поплохело от одного только выражения его лица. Однако сотрудники БИОН появились в предписанное время и, не особо церемонясь с приветствиями, отсканировали помещение, дабы убедиться, что тут, кроме нас и двух напуганных пацанят, никого больше нет.

— Кто поднял тревогу? — наконец спросил один из бионовцев, почему-то поглядывая на меня.

— Да какая там тревога? — неожиданно робко заговорил тот, что заварил всю эту кашу. — Случайно с языка слетело, а тут сканеров нет. Так бы мы быстро со всем разделились, и не пришлось бы вас беспокоить.

За то короткое время, что я его наблюдал, он стал мне до ужаса неприятен. Даже зубы его казались мне теперь непростительно жёлтыми и кривыми, а внезапное раболепие так низко опустило его в моих глазах, что я невольно отвел взгляд.

Не желая слушать заискивающих речей, биовец достал портативный сканер и зачем-то попросил сохранять спокойствие.

Меня такие проверки не пугали. Я научился вести себя так, чтобы не вызывать подозрений, но мой спутник почему-то побледнел и, как мне показалось, слегка закачался. Видимо, из-за жалкого вида его решили проверить первым.

Наведя сканер, биовец мгновенно разглядел зелёную галку на экране и получил полную информацию о человеке, который оказался обладателем самой обычной фамилии и самого обычного имени.

Вторым в очереди был я.

Получив очередное подтверждение, сотрудник службы молча и как будто даже разочарованно пролистал мою учётку и вздохнул.

— Чисто, — сообщил он напарнику, который возился с подростками, и привычно мотнул головой.

Они ушли не попрощавшись, а мой спутник так и остался стоять, тихо посмеиваясь и поглядывая на меня с некоторым недоверием.

— Вы, судя по всему, первый раз zont берёте? — спросил я. — Он не влияет на идентификацию, а только на трекинг. Для ЭЛЛЫ вы невидимы, но для обхода сканеров требуется куда более серьёзный софт.

— Судя по всему, у тебя он есть, — почти шёпотом и с особенной злобой протянул он.

— С чего вы решили, что я не человек?

Он ничего не ответил и покинул кафе с демонстративным игнором, оставив меня наедине со своими мыслями.

Приподнимая манжету, я уже знал, что увижу синяк. И да, он был там.

«А в чём дело? — спросите вы. — Тоже мне, травму нашёл!»

Но в этом и крылось моё проклятие: то, на что любой человек не обратил бы внимания, для меня становилось вопросом жизни и смерти.

Каждый день.

С самого первого моего вдоха.

Глава 2

Думаю, что вы уже догадались, что я о себе немного недоговариваю?

Мой горе-покупатель был уверен в моём противоестественном происхождении, в то время как сотрудник БИОН, обладая сверхчувствительными сканерами, ничего во мне не заподозрил и признал человеком. Так кто же из них прав?

Как ни странно — оба.

Конечно, я всегда был и остаюсь человеком, из плоти и крови, со всеми присущими этому виду преимуществами и недостатками. Я обладаю тем же спектром эмоций. Мерзну зимой, потею летом, мыслю и ощущаю себя так же, как любой живущий. У меня голубые глаза и каштановые волосы. Я считаю себя хорошо сложенным, достаточно высоким и, даже можно сказать, красивым. Мягкий нрав и неплохое чувство юмора в числе моих достоинств не раз отмечали друзья, а неординарные способности в написании обходного софта очень ценят во мне те, кто в нём нуждается. Ни внешне, ни внутренне я не отличаюсь от обычного человека.

Но есть нюанс.

Все мои черты физические черты, начиная от цвета глаз и заканчивая звучанием моего смеха, мне не принадлежат. Всё это в буквальном смысле не моё. Согласно современному законодательству я — RP, reconstructed person, или «реконструированная личность», а значит, всё, что на данный момент составляет мое естество, когда-то уже разгуливало по Земле, но по тем или иным причинам прекратило своё существование.

Всё началось задолго до меня, в начале 60-х, когда были возобновлены разговоры о моральной стороне клонирования человека. К тому времени накопилось слишком много теоретически обоснованных, но юридически неприемлемых идей, подкинутых самой ЭЛЛОЙ. Эти идеи не давали спать ни одному уважающему себя учёному, и было лишь вопросом времени, когда самые дерзкие рискнут карьерой, чтобы навсегда вписать свои имена в историю. И такие, разумеется, нашлись. И не где-нибудь, а в федеральной петербургской лаборатории при НИИ Регенеративной Генетики.

Создав искусственное клеточное ядро и полностью восстановив геном из фрагментов, 6 июня 2060 года учёный с символичной фамилией Лазарев успешно запустил развитие эмбриона с воспроизведёнными эпигенетическими настройками. Проще говоря, Лазарев создал клона, вот только не обычного живого существа, а магаданского мамонтёнка Димы, который последние сорок тысяч лет пребывал в мёртвом состоянии.

Пока одни видели в этом событии не более чем шоу — а из живого мамонтёнка непременно сделали национальное достояние, — другие стали интересоваться, насколько комфортно живётся воскрешённому детенышу и не проводят ли над беднягой неподобающих опытов. Третьи, прости Господи, углядели три шестерки в дате и мгновенно окрестили открытие глумлением над природой и верой.

Всё это сковывало и одновременно раскалывало научное сообщество, не давая до конца осознать масштабность происходящего. Но одна мысль совершенно отчётливо витала в головах не только представителей науки, но и людей вполне обычных, способных сложить одно с другим: если удалось в точности реконструировать живое существо из древности, то что мешает обратиться к не столь давнему прошлому и также воспроизвести, скажем, Наполеона или Линкольна? Препградой этому стояла лишь не до конца забытая мораль. И ничего не оставалось, кроме как обратиться с этой дилеммой к ЭЛЛЕ.

Мне кажется особенно забавным, что вопрос этики и оскорбления чувств доверили алгоритму, который не в состоянии даже на базовом уровне осознать, что есть эти самые чувства. Но, проанализировав всю историю человечества от начала времён и до наших дней и, как мне

кажется, найдя вдохновение в не самых приятных периодах, ЭЛЛА пришла к определённому выводу.

Её решение заключалось в том, что нет ничего страшного, если юридически вывести будущие наследные образцы в отдельную категорию, не тождественную естественно рожденным людям. Логически обоснованно, подкреплено фактами, предложены прогнозы и вероятные варианты развития событий — чем не вариант? Хватило только одного такого предложения, чтобы буквально на следующий день закон вступил в силу.

Итак. Добро было получено, и понеслась! Каждый новый эмбрион становился грандиозным проектом, а каждый ребёнок — объектом пристального внимания, любой шаг которого освещался на весь мир. Всего через полтора года после старта программы собралась целая ясельная группа исключительных генетических образцов. И теперь за пуленепробиваемой перегородкой на глазах ученых швырялись кашей мини-версии Альберта Эйнштейна, Петра Чайковского и Исаака Ньютона. В одной и той же песочнице ковырялись Джон Кеннеди, Чарли Чаплин и английская королева Елизавета I, которую, на мой взгляд, добавили в проект, дабы иметь на витрине хотя бы одну девочку. Так или иначе, все «образцы» именовались строго так же, как и при жизни оригиналов, имели индивидуальные условия «выращивания» и свою научную группу, отвечающую за проект. Сперва всё это действительно выглядело впечатляюще, и мне самому, наверное, хотелось бы испытать тот неповторимый восторг, которым было охвачено то поколение. Но, как всегда, если что-то может пойти не так...

Эксперимент стал требовать куда больше ограничений, чем казалось на первый взгляд, и дело тут уже касалось морали совсем иного толка. С самого начала общество относилось к открытию неоднозначно. Эйфория прошла быстро. Выяснилось, что выращенные «образцы» имеют с гениями прошлого куда меньше общего, чем обещали рекламные ролики, а жизнь под прицелом камер и лабораторных методик плохо совместима с детской психикой. Но останавливаться было поздно.

ЭЛЛА, допущенная до усовершенствования технологии, в первую очередь встроила в процесс верификационный контур: эмбрион не запускался без посмертного маркера деградации генома. Зачем это было сделано, трудно сказать. Для того чтобы сделать собственную копию, тебе в первую очередь необходимо было умереть, и умереть давно — не позднее конца XX века. Это лишало эксперимент некоторых перспектив. Но тем не менее технология не могла оставаться в рамках одной лаборатории слишком долго и наконец расползлась по миру в виде коммерческих проектов, как с лицензиями, так и без.

С того дня, как клонирование перестало быть наукой и окончательно стало товаром, прошло почти тридцать лет. Этого оказалось достаточно, чтобы человеческая фантазия успела явить в этом явлении свои самые тёмные и извращённые формы.

Сам эксперимент никогда не заключался в возвращении личностей прошлого, но лишь в создании физического облика, дабы взглянуть на тех, кого невозможно было созерцать вживую. Сейчас я бы сказал, что идея эта была довольно бесполезной, но в начале 70-х она по-настоящему взорвала рынок.

Богатые и всемогущие в буквальном смысле заказывали себе Джонов Леннонов, Мэрилин Монро и Джеймсов Динов. В какой-то момент можно было даже следить за рейтингами наиболее популярных моделей. В моём 2074 году, например, самой распространённой среди RP-девочек была модель принцессы Дианы.

Все эти дети по-прежнему не считались людьми, но, поскольку они уже росли не в лабораториях, а в семьях, им был придуман особый статус «реконструированных личностей». На том спасибо, что сменили «образцы» в названии на что-то более человеческое. Но где милые и трогательные малыши для любящих родителей, там же и дедпринты, созданные для иных, совсем не безобидных целей.

Конечно, это старались контролировать, создав список категорий тех останков, которые не планировалось или запрещалось трогать под страхом понести за это ответственность. Туда попали, как мне кажется, абсолютные крайности: особо опасные преступники, диктаторы, жертвы пандемий, а также мощи святых и представители правящих династий. Ну и, разумеется, чёрный рынок буквально тут же заполонили бранные кости и фрагменты именно таких несчастных.

Угадайте, к какой из этих категорий отношусь я?

Правильно. Я не просто нелегально созданная реконструированная личность. Я одна из самых ужасных «запрещёнок», какие только можно было представить. Кроме того, я почти уверен, что я единственный в своём роде — как ни странно это звучит для клона.

Меня создали не из тщеславного желания вернуть миру гения, не из фанатской любви к актеру и даже не из болезненной мечты богачей завести себе ребёнка с лицом мёртвой знаменитости. Мой оригинал не успел стать великим, он даже не успел стать взрослым. Мальчик с больной кровью, слишком громким титулом и судьбой, которая до сих пор волнует сердца не яркостью жизни, а леденящими душу обстоятельствами смерти. Мой геном восстановили из останков последнего русского принца — сына российского императора Николая II. Я стал отражением цесаревича, которого мировая история так и не смогла до конца отпустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.